

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович
Амфитеатров

Записная книжка

«Не знаю, почему, – должно быть, под впечатлением бурной полемики о Горьком, – видел во сне... Адолия Роде!

Как, не помню, но в личности уверен...»

**Александр
Валентинович Амфитеатров
Записная книжка**

Не знаю, почему, – должно быть, под впечатлением бурной полемики о Горьком, – видел во сне... Адолия Роде!

Как, не помню, но в личности уверен.

Развеселаго, жизнерадостнаго, толстомордаго, толстопузаго Адолия Роде, до октябрьской революции хозяина «Виллы Роде», после октябрьской революции, – милостью Горькаго, – хозяина «Дома Ученых».

Там, в недрах «Виллы Роде», и обрел Максим Адолия. Пришел, увиде и решил:

– Вот истинно добротный опекун для русской науки. Лучшаго и искать не надо: в самый раз!

Глубокомыслие и смелость решения заслуживают тем большаго внимания, что оно шло грудью на встречу враждебным предрассудкам буржуазнаго мира. Содержимая и управляемая Адолием «Вилла Роде» имела репутацию не столь двусмысленную, сколь определенную. Из того разряда, о коем тургеневский помещик Кауров выразился:

– Подобной репутации я и своей бурой кобыле не пожелаю!

В романе «Nana» директор кафешантана

той же марки нагло требовал, чтобы посетители не называли его заведения «театром», но, без лицемерной вежливости, прямо и откровенно «публичным домом». (В французском тексте словечком покрупнее).

К чести г. Роде, он никогда не поднимался на столь высокую степень цинизма. Напротив. Скромно приуменьшая свои заслуги, он всегда настаивал, что между виллою Роде и публичным домом разница ничуть не меньше, чем между бомбою и ядром или между советским правительством и третьим интернационалом. Даже в идее, не говоря уже о стоимости предлагаемых благ!

Особенно возмутительна была клевета (или, юридически точнее, диффамация), будто предлагаемыми на вилле Роде благами обслуживались исключительно великие князья, компания Распутина, золотая молодежь высокога полета, мышинные жеребчики из министерств и царская охранка. На эти недостойные инсинуации г. Роде имеет право возразить с справедливою гордостью:

– Нет-с, вы меня в монархисты не толкайте! На первых порах, после «пломбированна-

го вагона» кто только не швырял у меня немецких, генерального штаба, денег! И Гриша Зиновьев лыка не вязал! А Луначарский кренделя ногами выписывал! И Нахамкес, не заплатив, задним ходом удирал! И золотое сердце Феликса Дзержинского улыбками девочек утешалось! А однажды даже и самого Ленина... разумеете, языцы, и покоряйтесь: Ленина!!! – замертво вынесли! Понимаете теперь, каков я есмь большевик.

Относительно последнего пункта я мог бы даже лично свидетельствовать в пользу г. Роде, так как вез сие бездыханное тело с Виллы Роде во дворец Кшесинской мой собственный бывший шоффер, впоследствии не без гордости о том повествовавший.

* * *

А. В. Пешехонов памятен и любезен русскому обществу, как, в некотором роде, первосвященник в храме «Русского Богатства». Pontifex maximus.

Pontifex, в первоначальном значении слова, – «строитель моста». Римские перво-инженеры, соединившие берега Тибра перво-мостом, выслужились, какими-то доисториче-

скими судьбами, в архиереи.

Pontifex Пещехонов, потрянув стариной перевозачения, старается соорудить мост между эмиграцией и Совдепией. Первая приглашается сочувствовать признанию второй государствами Европы. Строительствует А. В. Пещехонов не без сотрудинок. Много их сейчас понаехало, понтифексов новейшей формации.

Рацеи их печатаются газетами стыдливо – «в порядке дискуссии». Читаю, а в голове мелькают образы, казалось бы, совсем не ответственные серьезности авторов. То Бубнов из «На дне» ухмыльнется и свистнет:

– А ниточки то гнилыя!

То просеменит куда-то в неведомое пространство, вертя хвостом и с загадочною улыбкою на крашенных губах, остроумная одесская девица, которая сумела и капитал приобрести, и невинность сохранить.

То, вдруг, – странная песня:

*И чорт тебя нес
На дырявый мост?!
Было б тебе держатися
За собачий хвост!*

Впрочем, последнее уже не в мечте, а наяву. Нечто в место такого понтификального гимна пропели, по поводу пресловутой статьи А. В. Пешехонова, и Мякотин, и Мельгунов, и «Бабушка». Его мостостроительство имело решительно «дурную прессу».

* * *

А. В. Пешехонов среди усердствующих мостостроителей, конечно, нечто вроде «голубки в стае черных воронов». Если ему теперь «попадает» с разных сторон, то, – продолжу птичьи сравнения, – лишь на том же основании, на каком крестьянин крыловской басни свернул голову овсянке, угодившей в сеть вместе с вороватыми воробьями. Все понимают, что эта овсянка с воробьями лишь летала, но пшеницы не клевала. Помнят в Пешехонове писателя честного и самоотверженного. Нравится или не нравится то, что он пишет, дельно оно или не к делу, но пишет он, конечно, то, что думает, то, что искренне и убежденно считает необходимым внушить своим многочисленным читателям и почитателям.

Не сомневаюсь в том, что в мостостроительстве наберется и еще пара-другая овся-

нок, ему подобных.

Но в расплодившемся множестве понтифических воробьев нет числа порхающим фигурам, достойным кисти не то, что Айвазовского, но самого Веласкеса.

Не знаю, многих ли эмигрантов убедят резвые понтифексы на переход по сооружаемым ими мостам к амбарам советской пшеницы.

Но самим понтифексам вступать на мосты дедушка Крылов – не советовал бы. По силе известной басни.

«Чем на мост вам итти, ищите лучше броду».

* * *

Прочитал у старого, сильно забытого, историка Ешевского.

Императрица Елизавета Петровна, растолстев к пожилым годам, так обленилась, что ей трудно стало уже подписывать не только деловые бумаги, но даже письма.

Письмо к французскому королю, с поздравлениями по случаю дня рождения у него внука, подносилось ей к подписи в течение трех лет. И на силу, на силу то она однажды как то собралась с духом, подмахнула свое

«Elizabeth».

* * *

Кипят споры о роковом вечере закрытия «Учредилки» матросом Железняком:

– Прекратил он тогда В. М. Чернова или не прекратил?

Выступают свидетели, утверждающие, что прекратил.

Сам В. М. Чернов настаивает, что – нет. После дружеского нажатия матросом Железняком на плечо его, он существовал еще несколько минут и даже успел провести несколько резолюций.

Почему не верят ему? за что отказывают в этом триумфе?

Как будто дело в том, что угасла «Учредилка» четвертью час раньше или позже и задул ее один матрос или дули несколько матросов. Важно, что она сегодня угасла, а завтра уже не зажглась. Не могла зажечься. А угасла и не зажглась она по той простой причине, что, в существе своем, была подмочена. Одно дело – Учредительное Собрание, а другое Учредилка. Учредительныя Собрания на приказы разойтись отвечают:

– Мы уступим только силе штыков.

И штыки пред ними робко опускаются, потому что штыконосцы чувствуют за ними волю народа, которая сильнее штыков.

Учредилкам штыконосцы не дают даже произнести «исторические фразы». Просто командуют:

– Пошли к... (с разнообразием «морских терминов» в зависимости от энергии и вкуса взводного командира).

Уходят, оставляя себе в утешение право сказать:

– Мы уступили только силе штыков.

К сожалению, эта фраза в прошедшем времени и после поражения звучит далеко не так красиво, как в будущем – перед сражением.

Не знаю, правду ли передавали очевидцы, будто, во время этого предсмертного заседания «Учредилки», Ленин, в ложе, даже не удостоивал сидеть, а лежал, протянув ноги по стульям. И хохотал, как сумасшедший. Каким, конечно, он уже был.

Провалявшись таким манером с полчаса или час, встал и уехал, предоставив «истори-

ческий вечер» судьбам его.

Историю делят на древнюю, средневековую, новую, новейшую и... скверную.

Увы! финал «Учредилки» относится всецело к области последней. И активно, и пассивно.

* * *

Собственно говоря, никакого «заседания» тогда в Таврическом дворце не было, а было два маскарада ряженных под «волю народа». Один маскарад отплясывает парламентскую пантомиму, с красивыми условными словами и, сгупа, без оружия. Другой, полукавее и понаглее, вооруженный и с словами матерными. Вооруженные матерщинники вытурили безоружных краснословов, положили ноги на стол и заявили:

– Воля народа это мы. А кто не приемлет, того прикладом по башке да к стенке.

На деле, конечно, «волю народа», тем вечером, даже и не заглядывала в Таврический дворец. Да и вообще: где, кто, когда и как ее видел и в то время, и после эту *истинную* то «волю народа» и смеет с уверенностью сказать, что его не обморочило ряженое чучело.

Все искали и ищут, ловили и ловят эту «Синюю Птицу». Романовцы, кадеты, эс-деки, эс-эры. И всем она ни даже кончика хвоста своего не показала. И все, оставшись при сомнении, сидят у моря и ждут погоды – тоже при сомнении.

Вон – царисты уж как усердствуют, и манят, и толкают, сыграть на «волю народа» в кн. Николая Николаевича. А старик то не так прост как слывет. На все уговоры и соблазны знай твердит одну песню:

– Выступить готов, а выступлю, когда рак свистнет.

Потому что ожидать, будто нынешняя Русь, взбаломученная до дна, растрепанная, раздробленная, способна возжелать «всенародным призыванием» не только Николая Николаевича, но кого бы то ни было, единично ли, коллективно ли, – конечно, равносильно чаянию свиста от рака. Или, если угодно более поэтическое упование:

– «Когда спящий проснется».

* * *

Большевики рачьяго свиста не ожидали и пробуждением спящего не интересовались.

Вместо того, чтобы искать «всенародного признания» и вообще «истинной воли народа», Ленин постановил на своем знамени девиз, заимствованный тоже из недр народной, если не воли, то опытной мудрости:

– Кто палку взял, тот и капрал.

И, подхватив капральскую палку, выпавшую из рук свалившихся Романовых и не поднятую Временным Правительством, большевики принялись орудовать ею направо и налево. Успех веками испытанного национального средства превзошел все ожидания. Страна, воспитанная под капральскую палкою, приученная к капральской муштре настолько, что ей даже как будто дико и не по себе, когда она на своих боках палки не чувствует, осталась глубоко равнодушна и к перемене рук, которая палкою машут, и к судьбе многочисленных «вольнарода», которая – одну за другою – капралы Ленина вколачивали в гроб. Процесс этот для капралов не представлял больших затруднений, так как избегаемая «воли» частью были вовсе без палок, ибо не признавали их принципиально, частью с палками столь хрупкими, что лома-

лись при первом столкновении.

Романовых – как водой смыло. Временное Правительство, после того, как г. Керенский предал большевикам единственную крепкую палку возможного порядка, Корнилова, улете-ло легче пуха, легче духа. «Учредилка» угасла под матросским дуновением, чтобы не ска-зать... плевком.

А капральская палка, всем ненавистная и втайне презираемая даже многими из тех, кто ею орудует, продолжает, «за отсутствием конкуренции», висеть над народом, выбивая из него разум, совесть, честь, здоровье, не го-воря уже о достатке. И, как показывают «при-знания», успела уже и иноземных соседей уверить, будто она, капральская палка, и есть подлинная воля русского народа.

Что было опять таки нетрудно, потому что, во первых, 99 процентов европейских соседей на подлинную волю русского народа – в высо-кой степени наплевать, абы вывезти из Рос-сии нефть, уголь и пшеницу. А, во вторых, и остальной процент, хотя и почитывает «До-стойевски» и «Леон Толстой», одержим сомне-нием:

– Чорт их знает, этих русских... мистический «славянский души»! Может быть, они, в самом деле, так устроены, что любят, чтобы их палкой обрабатывали? У Ивана Грозного была палка с железным наконечником, которым он им в ноги тыкал... любили! Петр Великий дубинкой им ребра ломал... любили!.. У Герберштейна есть анекдот о злополучном немце, женатом на русской боярышне, как он, чтобы доказать жене, что любит, должен был ежедневно колотить ее, пока не забил на смерть... Чорт их знает, эти дикие славянские души!

* * *

В. М. Чернову ставят в вину, что он не дал себя застрелить на председательском посту. Это я нахожу чрезмерною претензией. Никто не обязан иметь аппетит к самоубийству. Нельзя требовать от Чернова, чтобы он был Калединым. *La plus belle fille de monde ne peut donner que ce qu'elle a.* Сверх того, в своей самозащиты от «легенды», В. М. Чернов намекнул, что его ожидали исторические задачи. И это тоже достаточный резон. Живому о живом и думать. Макбет, хотя был человек души

военной, а не статский, как В. М. Чернов, однако и он, очутившись в положении хуже черновского (прежде сказали бы: «губернаторского»), рассуждал:

*Why should I play the Roman fool,
and die
On mine own sword? whiles I see
lives, the gashes
Do better upon them.*

(Зачем я стану разыгрывать роль полоумного римлянина и бросаться на свой собственный меч? Покуда я вижу пред собой живых (врагов), лучше я буду их ранить).

Правда, что вслед за таким резонным решением, Макбет был немедленно убит Макдуфом. Но, ведь, Макдуфф, специально на тот случай, не был «рожден женщиной», а вырезан из материнского чрева. В биографии матроса Железняка едва ли значится что-либо подобное. Скорее допустимо задуматься над сомнением, не сам ли малый беременным «брюхо вспарывал». Однофамилец его некогда забавлялся этим спортом в Умани, лет полтора тому назад.

Я, правду сказать, удивляюсь не тому, что

В. М. Чернов ушел по приказу матроса Железняк, а тому, что матрос Железняк имел возможность, после своей дерзости, спокойно уйти из группы заседания, которое, как никак, называло и почитало себя Учредительным Собранием. И председатель его, в это время и в этом месте, – был *persona sacrosaneta*. Посягательство матросской лапы на плечо председателя Учредительного Собрания, кто бы он ни был, – чудовищнейшее оскорбление общественности, какое вообразить можно. Собственно говоря, это было символом прекращения не только В. М. Чернова и «Учредилки», но и русской демократии. Уж именно из чрева матери выдрали ее, недоноском, матросские лапы. Хватил Железняк младенца головкой об угол председательского стола и ушел, как ни в чем не бывал, посвистывая.

Но тут уж не В. М. Чернова вина, но тех, которыми он председательствовал. Чернов легко мог растеряться от исключительно безобразной неожиданности. Я не знаю степени мужества В. М. Чернова, но знаю, что и храбрейшие люди «изумлены бывают» до бездейственного остоленения, нарываясь на сверх-

свинство, не предвиденное даже самую враждебную оценкою свиных способностей противника. Но окружающие то, присутствующие то куда же смотрели? Прозевали неприкосновенность председателя, прозевали заседание, прозевали момент спасти свою «Учредилку», прозевали на долго, жестоко ушибленную, демократию. Погибнуть то она не погибла, ожить то она оживет, но когда? как? Quibus auxiliis?

* * *

О чем В. М. Чернову не лишнее было бы попросить своих сторонников и защитников, это, – чтобы, когда они о нем пишут, что хоть немного думали о том, что пишут.

А то – «не угодно ль этот финик вам принять»?

«Можно как угодно относиться к личности В. М. Чернова; можно по разному расценивать его политические взгляды и тактику; и можно считать весьма неудачным выбор его председателем, само его председательствование – не сделал подобающего случаю жеста, не сказал исторических слов (я надеюсь когда-нибудь вернуться к этой теме), – но

упрекнуть Чернова в недостатке мужества... Достаточно припомнить его рокамболевское появление, произнесение речи и исчезновение с собрания в Московской консерватории в разгар террора в 1920 г., чтобы по достоинству оценить свидетельство именно по данному вопросу Огановского против Чернова.»

«Можно как угодно относиться к личности»... «Рокамболевское появление»... «Исчезновение» Бедный Чернов! Не поздоровится от таких похвал! И такие аттестаты преподносит защищаемому защитник?! Ну, знаете, видно, что уж именно «можно как угодно относиться к личности В. М. Чернова»! Чернова многие в сем подлунном мире не весьма одобряют, и я сам отнюдь не принадлежу к числу его поклонников. Но, все-таки, сколько помню, никто еще, в полемике, не сравнивал его с Рокамболом: в романе Понсон дю Террайля, сперва архи-жуликом, потом, раскаявшимся сыщиком-добровольцем. Этот приятель из породы услужливых медведей постарался: «хватать друга камнем в лоб!»

Камень N 2 – доказательство «мужества»... «исчезновением».

Да это же цитата из опереттки «Маскотта». Герцог Лоран, во время сражения (за его интересы!), убеждает свою престолонаследницу:

– Дочь моя! Будем мужественны: пойдем и спрячемся в кусты!

Кто бишь это когда то молился:

– Избави, Господи, от друзей, а с врагами я как-нибудь справлюсь.

Несколько не буду удивлен, если В. М. Чернов, усвоит себе эту историческую молитву. Ибо враги его говорят: вот там то и там то том то и том то, так то и так то Чернов оплошал и за то мы его не любим и не уважаем.

Друг же возражает... подробным перечнем всего, за что он дозволяет не любить и не уважать Чернова, а, в заключение, выдает ему диплом на действительного статского Рокамболя и, в доказательство его мужества, выдвигает «исчезновение»!

Сцена из «Талантов и поклонников».

Кн. Дулебов. Нет г. Бакин, вы, уж пожалуйста, оставьте меня в покое, не хвалите.

Бакин. Почему же, князь? Вы такой почтенный гражданин, образцовый семьянин.

Кн. Дулебов. Да у вас, когда вы так хвали-

те, всегда как то так выходит, что люди убеждаются, что ваш почтенный гражданин несколько не почтенный и образцовый семьянин ничуть не образцов...

Опасная эта штука, когда Бакин пишет биографию. Да еще и обещает «когда-нибудь вернуться к этой теме».